Звезда

2012/3

Валерий Кислов
Экскурсия. Рассказ

Юрий Зельдич
Герберт Уэллс — великий гуманист и человеконенавистник

Ю. Ш. Мацкевич, Л. А. Мосякина
Круг М. М. Бахтина

SHOUT
SHARE
IT

- Круг М. М. Бахтина. К обоснованию феномена
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

Круг М. М. Бахтина. К обоснованию феномена

На диалоге лежит печать не одной, а нескольких индивидуальностей.

Михаил Бахтин

В пределе словотворчество и жизнетворчество сливаются и растворяются друг в друге.

Павел Медведев

Все мы — лишь взаимоотражение зеркал.

Валентин Волошинов

Феномен «Круга» как нельзя более соответствовал проблематике международной конференции, которая была посвящена наследию Бахтина в «большом времени».[1] Именно «Круг» в творчестве и деятельности М. М. Бахтина долгое время оставался в тени — невостребованным или тенденциозно освещенным и потому до сих пор научно не осмысленным на родине.

А. Д. Александров, говоря о другом феномене, принадлежащем, несомненно, «большому времени» — квантовой механике, обратил внимание на то, что она создавалась в общении, когда к Нильсу Бору приезжали коллеги для обсуждений и споров.[2] Это еще один пример, подтверждающий продуктивность понятия «мыслительный коллектив», введенного в науку Людвиком Флеком. Это понятие мы неоднократно использовали в докладах и статьях о «Круге М. М. Бахтина»[3], так как оно правомерно не только для естественно-научного, но и для гуманитарного интеллектуального сообщества. Пример тому — «коллективный разум» русских формалистов.

Отвергая советское прошлое с его авторитарным коллективизмом, ближайшее окружение Бахтина «с водой выплеснуло и ребенка». С этим в значительной мере связано недоверие, которое было проявлено к коллективному творчеству бахтинского «Круга», хотя сам Бахтин утверждал: «Мы работали в

самом тесном творческом контакте».[4]

Спустя десятки лет после начала бахтиноведения С. С. Аверинцев признал: «И все же, и все же, чего-то все наши подходы не схватывают, что-то остается за пределами наших рассуждений — секрет личности Бахтина.

В известной мере он разделял этот секрет с теми, с кем его связывала <…> солидарность судьбы; связывала поверх всех барьеров личного разномыслия».[5] К сожалению, авторы отечественных подходов, не ощущая и не признавая контекста, «*не схватили*» самого главного — особенностей бахтинского мировосприятия, претворив уникальное полифоническое мышление философа в привычную монологическую схему.

Несмотря на многочисленные антологии, диссертации и статьи, а точнее, именно благодаря им[6], намерение сконструировать тезаурус Бахтина без учета сотворчества ближайших единомышленников по меньшей мере наивно.

Психология творчества Бахтина, диалогичность мышления всю жизнь вела его внутрь интеллектуальных сообществ: юношеский кружок «Омфалос», невельский кружок, наконец, «Круг Бахтина» в Витебске и Петрограде — уже не кружок, а «Круг», потому что общение здесь нашло воплощение в научно-философских трудах, ставших памятником эпохи.[7]

Уже этого достаточно, чтобы понять С. С. Аверинцева, предложившего готовившемуся тогда многотомнику дать общее название «Бахтин и его круг».[8] Он имел в виду труды Медведева и Волошинова, то есть «Круг Б. М. В.», по позднейшему определению Бенедикт Вотье.[9]

На «Круге Б. М. В.» (Бахтин — Медведев — Волошинов) надо остановиться. Отношения и связи Бахтина с участниками невельского кружка описывались неоднократно, архивные рукописи его участников опубликованы (Н. Николаев, В. Махлин), но и здесь не обошлось без подмены, вольной или невольной.[10]

Невельское содружество, просуществовавшее в полном составе менее года, настойчиво именуется «невельской школой» философии. Хотя у «невельской школы» не было единой концепции и формируется она вышеназванными авторами на основании позднейших публикаций.

Кругозор и теория творчества «Круга Б. М. В.» представлены не только всемирно известными трудами его участников, но могут быть частично реконструированы по опубликованным, так сказать, «добахтинским» трудам и текстам П. Н. Медведева. Личный архив П. Н. Медведева, рукописи его неопубликованных работ, обширная переписка были конфискованы и уничтожены НКВД. Его насильственно редуцированное наследие лишено той

архивной информации, которая формирует представление о личностях его коллег (М. Кагана, Л. Пумпянского и других). О ценности медведевского архива можно судить хотя бы по остаткам его филологической коллекции, хранящейся в рукописных отделах РНБ и Пушкинского Дома, постоянно привлекающей внимание исследователей творчества А. Блока, Л. Гумилева, Б. Пастернака, О. Мандельштама, Ф. Сологуба, А. Белого, В. Розанова, И. Анненского, Н. Клюева, К. Вагинова и других представителей «серебряного века», к которому в значительной части своего творческого пути принадлежал и П. Медведев. Об этом свидетельствуют и материалы журнала «Записки Передвижного театра», с которым Медведев сотрудничал с 1919 г., а с 1922 г. редактировал его вплоть до закрытия цензурой в 1924-м.

«Многие из идей Бахтина — это ведь реплики, соглашающиеся, развивающие или отвергающие другие идеи-реплики, звучавшие со страниц „Записок Передвижного театра“ в те годы, когда „искание новых задач и нового понимания цели искусства“ было, по словам Э. Радлова, „знамением времени“».[11]

В июле 1919 г. Медведев пригласил в преподавательский состав организованного им в 1918 г. в Витебске Народного (Пролетарского) университета профессора философии Петроградского университета С. О. Грузенберга и невельца Л. В. Пумпянского, сразу переехавших в Витебск. Осенью 1919 г. лектором университета стал М. И. Каган, осенью 1920 г. в Витебск перебрался Бахтин, чуть позже в руководимый Медведевым подотдел искусств, где уже работал юный И. И. Соллертинский, был приглашен В. Н. Волошинов.

Обнаружившаяся общность философских и эстетических интересов не могла не привести к сближению этих людей. Об этом Бахтин рассказал Дувакину: «Вокруг меня был круг, который называют сейчас „круг Бахтина“… <…> Сюда включают прежде всего Пумпянского, Медведева Павла Николаевича, Волошинова. <…> И вот все они трое были в Витебске, и там, в сущности, заложена основа вот этого круга, который потом в Ленинграде обосновался».[12]

Круг единомышленников, собранный Медведевым в Витебске в 1919 г., вскоре ограничился лишь тремя постоянными участниками, так как Каган, Пумпянский и Соллертинский в 1920 г. Витебск покинули. И до осени 1922 г. тесное диалогическое общение происходило между Б., М. и В. Круг подобрался по взаимному влечению. Например, кажется странным, что профессор философии С. О. Грузенберг, работавший в это же время в тех же вузах, что Медведев и Бахтин,

и общавшийся с Медведевым, в этот круг не вошел, его имя Бахтиным не упоминается ни разу. Медведев же считал С. О. Грузенберга одним из важнейших сотрудников будущего Института гуманитарных наук и искусств, который по их общей инициативе должен был открыться в Витебске на базе Пролетарского университета.

Не оговоренные в Невеле труды по эстетике словесного творчества Бахтин хотел обсудить с М. Каганом[13], как обсуждал их непосредственно с Медведевым. Об этом свидетельствуют сообщения Медведева в печати («Искусство», «Жизнь искусства»), его пометы на рукописи статьи Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» и, конечно же, книга о Достоевском, которая писалась в Витебске и которую они вместе с Медведевым готовили к изданию в период, когда Бахтин по болезни был освобожден из заключения с подпиской о невыезде и находился в больнице или дома в ожидании приговора. Об этом свидетельствуют не только воспоминания, но и несколько официальных издательских пролонгаций, которые понадобились для подготовки книги к печати.

В Витебске произошел поворот Бахтина от философии к эстетике. Работу «Субъект нравственности и субъект права», как выяснилось, Бахтин «отложил» навсегда, чего, вероятно, не мог себе простить, так как считал себя прежде всего философом. Недаром при первой же встрече с новым окружением он сразу предупредил: «Я философ». Может быть, и Медведев в подсознании Бахтина остался непрощенным, так как переход от философии к эстетике произошел по инициативе именно Медведева. Занимаясь проблемами теории и психологии художественного творчества, Медведев искал единомышленников и соратников для разработки *новой* теории художественного творчества, которая ему, убежденному стороннику и проводнику онтологии общения, виделась социологической. Медведев был избран Председателем Оргкомитета Института гуманитарных наук и искусств, который должен был открыться в Витебске, готовил программу института, подбирал научные кадры. Идея института была поддержана наркомом Луначарским.[14] Тем не менее по ряду причин (в том числе финансовых) институт в Витебске открыт не был. Но «мыслительный коллектив», возникший в Витебске, постепенно перекочевал в Петроград. Насколько Медведев ценил своих витебских единомышленников, свидетельствуют его дальнейшие поступки. Уже покинув Витебск, в 1922 г. в петроградской газете (потом журнале) «Жизнь искусства»[15] Медведев сообщает о трудах С. О. Грузенберга,

«молодого ученого» М. М. Бахтина, музыковеда В. Н. Волошинова, тем самым поддерживая и сознательно афишируя своих коллег.

Ко времени возвращения Бахтина в Ленинград прекратили свое существование «Записки Передвижного театра», не состоялся объявленный в печати журнал Иванова-Разумника «Основы», в редколлегию которого (наряду с Томашевским, Тыняновым, Долининым, Смирновым и Замятиным) должен был войти Медведев.[16] Но витебская тематика «Круга» продолжала развиваться, опираясь на контакты Медведева с Институтом истории искусств (где в 1923 г. он сделал три доклада и где в 1924 г. при его посредничестве выступил с докладом Бахтин) и с Научно-исследовательским институтом сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВом), где не без участия В. А. Десницкого, знакомого Медведева, стал аспирантом Волошинов. К. Вагинов, Н. Клюев, М. Тубянский стали посещать собрания «Круга», скорее всего, по инициативе Медведева, о чем свидетельствуют публикации в «Записках Передвижного театра» (еще до переезда в Ленинград Бахтина). Свои стихи, напечатанные в этом журнале № 43, Борис Зубакин, бывавший в Ленинграде наездами, посвятил Медведеву. О том, какие немыслимые в советские времена стихи Вагинова поместил в своем журнале Медведев, в беседе с В. Дувакиным рассказал Бахтин.[17] Если бы у Бахтина были тексты, которые он бы хотел и был готов напечатать, Медведев бы нашел возможность их опубликовать, как печатал статьи Волошинова, Грузенберга и свои собственные в журналах «Искусство», «Записки Передвижного театра», «Русский современник».

Свои трактаты, как и книгу о Достоевском, Бахтин писал в Витебске. Медведев, как явствует из хранящихся в витебском архиве документов, начиная с 1917 г. написал ряд сочинений, в том числе «Методологические предпосылки к истории литературы», «Очерки теории и психологии художественного творчества», «Русская литература XX века»[18], подготовил к изданию первую книгу о Блоке (вышла в Петербурге в 1922-м, переиздана в 1923-м). В это же время были опубликованы волошиновские статьи о музыке, уже несущие отголоски общей научно-философской тематики. Недаром волошиновскую статью о Бетховене Медведев повторил в «Записках Передвижного театра» (№ 44), опубликовал статью И. Груздева (№ 40–42) «О приемах художественного повествования» — с его теорией масок, которую ценил и, возможно, использовал в своей концепции авторства Бахтин.

В анкете Зубовского института Медведев указал размеры каждой из своих рукописей.[19] На вопрос анкеты, почему эти

книги не напечатаны, Медведев ответил, что не считает их «достаточно обоснованными и готовыми для печати». Вероятно, эти же обстоятельства останавливали и Бахтина, что еще раз подтверждает его потребность в интеллектуальном общении и профессиональном обсуждении своих работ. Готовыми известные монографии оказались позже, когда были домыслены и оформлены в общей интеллектуальной атмосфере «Круга» и в научной среде ИЛЯЗВа, где работали и делали доклады аспирант Волошинов и сверхштатный научный сотрудник 1 разряда Медведев.

В 1928 г. Коллегия ИЛЯЗВа поручила Медведеву совместно с В. Ф. Шишмаревым, учеником академика А. Н. Веселовского, организовать и возглавить новую для института академическую дисциплину и соответствующую секцию социологической поэтики. Книгой Медведева «Формальный метод в литературоведении» ИЛЯЗВ начал новую серию сборников и монографий «Вопросы методологии языка и литературы», три выпуска которой успели выйти в свет до начала погрома творчества Медведева. Этот погром прервал работу и новой секции и серии ее научных трудов, а социологическая поэтика на многие годы стала запретной дисциплиной. Это была уже не «частная методология» Медведева, Волошинова или Бахтина, а методология научной школы — школы социологической поэтики Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока, вдохновителем и организатором которой был Медведев. В работе секции сразу же приняли участие И. И. Иоффе, М. А. Яковлев, Волошинов, а вскоре и другие сотрудники института.[20] В 1929 г. Медведев стал инициатором коллективной темы «Палеонтология и социология эпоса» (приняли участие Л. Богаевский, О. Фрейденберг, В. Шишмарев, Н. Державин, И. Франк-Каменецкий)[21] и — вместе с Шишмаревым — коллективной темы «Социология жанров»[22], а также ряда других. Принципиальная полемика с «формалистами» приобретала для Медведева смысл в противопоставлении их взглядам своей теории. Речь шла не об очередном полемическом выпаде, которые имели место и прежде, а о формировании нового научного мировоззрения, по его словам, — «научно-систематической теории объекта художественного восприятия».[23] Существо «общей» концепции у Бахтина и Медведева формулируется по-разному. Суверенность мышления участников «Круга» подтвердила новаторская работа В. Н. Захарова.[24]

Медведеву были важны не только собственные публикации, но и публикации единомышленников. Лишь в этом случае новое направление могло противостоять господствовавшей тогда

формальной школе, как и другим многочисленным оппонентам. Известные монографии единомышленников были изданы Медведевым в «Прибое». Его основополагающее выступление против формализма «Ученый сальеризм» (октябрь 1924) должно было быть поддержано статьей Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), как издательское предисловие Медведева к книге В. В. Виноградова[25] было подкреплено рецензией Волошинова.[26] Статья Бахтина готовилась в четвертый номер журнала «Русский современник» (вышел в самом конце 1924 г.), но, вероятно, была представлена с опозданием и в номер не попала. Следующий, пятый, номер уже не появился — журнал был закрыт.

Первоначально Бахтин был известен не столько своими философскими трудами (трактаты разысканы позднее), сколько немногочисленными трудами по поэтике, что также вызывало желание приписать ему филологические работы единомышленников. Остался затушеванным тот существенный факт, что для философской эстетики «Круга» большое значение имела «первая философия» Бахтина, ставшая известной позднее, благодаря трактату «Философия поступка», писавшемуся в Витебске. К тому же периоду относится и первое из известных нам характерных бахтинских суждений о своем круге: «Петь голос может только в теплой атмосфере, в атмосфере возможной хоровой поддержки, принципиального звукового неодиночества».[27] Позднее Бахтин существенно разовьет и обогатит это свидетельство.

В историю отечественной культуры Медведев вошел как зачинатель научного блоковедения — первый публикатор и комментатор; автор одной из самых известных работ по «творческой истории» («Драмы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания»); создатель одного из первых курсов новейшей отечественной литературы для вузов[28]; фундаментальный критик принципов формальной школы. Литературную и научную репутацию Медведева, сложившуюся к концу 1920-х гг., отразил Эрих Голлербах, назвав Медведева «разрушителем формального метода».[29] Книга Голлербаха вышла в начале 1930 г., то есть еще до официального идеологического похода на формализм. Одной из первых жертв развернувшейся кампании против формализма стал Медведев, обвиненный в «кантианстве, формализме и других видах самого черного мракобесия».[30] Эта ситуация теперь изучена сотрудниками ИРЛИ (Пушкинского Дома) по сохранившимся в архиве института материалам.[31] Характеристика Голлербаха отразила наиболее броскую в те годы сторону медведевской личности, оставив в тени самую ее

сущность, которая так разнообразно и ярко проявилась в «витебском культурном ренессансе», «ансамбле индивидуальностей» Передвижного театра и научно-философском круге Бахтина. Репутация «антиформалиста» объясняет отношение к Медведеву его научных противников, находившихся под впечатлением публичного «покаяния» Шкловского (статья «Памятник научной ошибке» в «Литературной газете» 27 января 1930 г.). Память о Медведеве[32] не давала ему покоя: ни в Москве (известная беседа с В. В. Кожиновым[33]), ни в Переделкине[34] (разговоры с Вяч. Вс. Ивановым), ни в Ленинграде (с Е. С. Добиным[35] в Доме творчества в Комарове), ни в беседах с зарубежными авторами (Катарина Кларк[36]). Его переписка 1929 г. с Ю. Н. Тыняновым[37], всячески утешавшим своего друга, опровергает позднейшую версию, что он якобы всегда знал, будто книгу Медведева написал Бахтин.

Не без мстительного участия Шкловского книгу Медведева, полузабытого в связи с запретом упоминать труды и имена «врагов народа»[38], радикальные москвичи приписали Бахтину, а беспринципные бизнесмены, ухватившись за выгодную версию, наводнили книжный рынок «масками» и «полумасками» нарасхват раскупаемого классика и вконец дезориентировали общественность.[39] Получилось парадоксально — по-шкловски: научный противник унижен и морально уничтожен, а его идеи, столь взволновавшие когда-то бывшего формалиста, целиком отданы другому — модному и великому, с кем не зазорно войти в «консенсус» — в процессе собственной эволюции, конечно же.

М. М. Бахтин отказался от навязываемого ему авторства. Он-то знал, кто был вдохновителем и организатором их эстетического круга. Организатор же «мыслительного коллектива», по наблюдениям Рэндалла Коллинза[40], — фигура всегда значительная, даже если «интеллектуальным лидером» коллектива становится другой. Коллинз показал это на примере Канта и Фихте.

Воспоминания учеников и младших коллег Медведева — И. И. Соллертинского, А. Краснова-Левитина, Е. И. Наумова, А. В. Десницкой — вместе с высокими оценками трудов Медведева его современниками — академиками Жирмунским, Шишмаревым, Сакулиным, Пиксановым, профессором Л. Гроссманом, Николаем Клюевым, Борисом Пастернаком — наряду с письмами В. А. Десницкого, О. В. Цехновицера, Вяч. Шишкова, Михаила Зощенко в защиту арестованного Медведева[41], как и «тюремное» свидетельство Николая Заболоцкого — дают не исчерпывающее, но весьма прочное, совпадающее у всех писавших представление о творческой

личности Медведева.

В 1912 г. Медведев, еще будучи студентом-юристом, предложил редактору петроградского журнала «Современник» три статьи: о Брюсове, Блоке и «К философии русской литературы».[42] В этой заявке, как и в других, ранее опубликованных и теперь частично известных статьях[43], уже очерчен круг проблем, которым Медведев посвятит свои труды. В Петербурге, Кишиневе и Витебске молодой юрист начинает читать публичные лекции о литературе, с фронта он шлет статьи: «Об изучении Пушкина», о Бердяеве, «О Гоголе», «О дневнике Льва Толстого», «Андрей Белый»…

Эрудиция Медведева имела университетские корни, но приобреталась в самостоятельной работе над книгой, для которой он всегда умел находить время. Об этом напоминает сохранившийся конспект Медведева, названный им «Из работ Чудовского. Учение о стихе».[44] Мысли В. Чудовского, талантливого критика журнала «Аполлон», привлекли его внимание: «Слово совсем не то, что „пишется вместе“ и стоит в словаре. Слово определяется не единством набора в типографии, а единством понятия в сознании. И вот оказывается, что правописание плохо выражает это единство понятий. Между тем речь его выражает вполне. Речь совершенно адекватна сознанию, — и вообще душе». Характер этих выписок, сопоставленных с дальнейшими трудами Медведева, дает возможность судить об их контексте. Здесь намечено многое, что у Медведева получит дальнейшее развитие и обоснование. Это и неудовлетворенность состоянием науки о литературе; и вытекающие из этой неудовлетворенности поиски метода изучения художественных явлений; полемика с морфологическим методом, возникшая в России еще на почве символизма (А. Белый[45] и его последователи); как задача для дальнейших размышлений — сравнение речи разговорной и поэтической; различение свойств языков и свойств поэтической речи, иначе говоря, стилистики и лингвистики.

Опираясь на творчество Льва Толстого, Медведев обогатил свое понимание философской сущности «общения». Это понятие стало определяющим для его эпистемологии — в работе 1912 г. «К философии русской литературы», в статье «О дневнике Льва Толстого» (1916)[46], в монографии «Формальный метод» (1928), являющейся «введением в социологическую поэтику».

Определение этого понятия Бахтиным: «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть *глубочайшее общение. Быть* — значит *общаться*» — стало известно из рукописи 1961 г.[47]

Критика «материальной эстетики» начата Медведевым до

встречи с Бахтиным и до возникновения ОПОЯЗа. В программе его лекций 1919–1920 гг. уже фигурируют «полюсы слова» и категория «оценки», как и «методы прозаического мышления»; при описании идеологии творца им уже намечена философия знака, причем задолго до появления книг «Формальный метод» и «Марксизм и философия языка», столь существенных для будущей семиотики; онтологическая сущность «общения» стала основополагающей для его мысли задолго до знакомства с философией Бахтина, как и с западными трудами по «теории коммуникации»; в «Формальном методе» (и в «Формализме и формалистах», изданных в 1934 г.) развернута «панорама» современной ему западноевропейской теории искусства…

Научный голос Медведева был бы легко узнаваем, если бы значительная часть его трудов не была передана Бахтину[48], а ранние тексты Медведева были бы переизданы и учтены[49], как переизданы и учтены архивные тексты и документы его коллег. Тогда, по логике «артели интеллектуалов», Медведеву должно принадлежать первенство в установлении основополагающих критериев «*общей* концепции языка и речевого произведения». Но это противоречит самодовлеющей псевдобахтинской «программе».[50] Хотя в данном, конкретном случае речь должна идти не столько о первенстве или влиянии одного на другого (что вполне естественно и органично для любого мыслительного сообщества), сколько об общности интеллектуальной направленности. Права Ю. М. Каган, считавшая, что «правильнее говорить… <…> об определенном круге философствовавших и живших общими духовными интересами людей».[51]

Социологическая поэтика Медведева не была угодой новому строю, хотя этот аспект присутствовал безусловно и был основанием для организации Института гуманитарных наук и искусств — научного и учебного центра по изучению теории творчества. Выверенная на обстоятельствах творческого пути Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского (семинар по Достоевскому Медведев вел в Институте народного образования в Витебске), социологическая поэтика стала плодотворным этапом научного литературоведения — при всей убогости господствовавшей в стране идеологии. Поэтому книга Медведева интересна и читаема до сих пор.[52] Потому-то она и была раскритикована ортодоксальными марксистами, а существование и развитие школы социологической поэтики было насильственно прервано. Медведев оказался зажатым между формалистами, с одной стороны, вульгарными социологистами — с другой, и ортодоксальными марксистами — с третьей. Фадеевым, главой РАППа, он — единственный из ленинградских критиков — был

объявлен «ликвидатором пролетарской литературы».[53] Подобные обвинения грозили не только запретом публиковаться, но и арестом. Все же усилия и труды Медведева не пропали, они оказали как прямое — научная деятельность в ИЛЯЗВе, в Академии искусствознания (семинар для аспирантов), в Университете[54], так и подспудное — на многие дальнейшие годы — влияние на литературоведение и критику.[55]

Еще в Витебске лекции по истории русской литературы XIX века (как следует из программ, опубликованных в «Записках Пролетарского университета») и XX века (как явствует из программ лекционных курсов в Институте народного образования[56]) Медведев строил так, чтобы литература предстала в зеркале эстетики. Свой курс «Теории художественного творчества» он в 1920 г. начал читать «по приглашению Совета Государственных художественных мастерских»[57](мастерскими тогда руководили Марк Шагал и Казимир Малевич).

Теорию художественного творчества Медведев уже тогда строил на размежевании как с метафизическим, так и с эмпирическим направлениями, как теорию научную (опиравшуюся, в частности, на труды Веселовского, Потебни и феноменологов), рассматривая искусство как ценностно ориентированный эстетический феномен. Валентности «эстетического объекта» (понятие уже существовало у Христиансена[58]) у Медведева отданы «художнику-творцу» и «контрагентам творчества», носителям «оценки». Эстетическое пронизывалось социальным. Вероятно, это была еще недостроенная, становящаяся, но готовая к взлету теория художественного творчества. Пристальное внимание к жанру, его «эстетике и истории» служило надежным ориентиром в теории исторического развития литературы.[59]

Будущая книга о формальном методе была не только «задана» временем, но и во многом уже «дана» ее автору в его собственных разысканиях и интуициях. Не случайно Бахтин, как само собой разумеющееся, назвал Медведева «теоретиком литературы»[60], имея в виду конкретную профессию, а не философское отношение к «теоретизму», которое у них совпадало.

На независимую общность интересов к проблемам «нравственной философии» указывает тема доклада Медведева «Тургенев как человек и писатель», прочитанного в ноябре 1918 г.[61] Медведеву была важна методологическая правомерность этого сопоставления, существенного как в философском, так и в жизненно-практическом плане. Этой теме-проблеме он уделяет

постоянное внимание в своих лекциях по теории художественного творчества («Художник и человек») и иных текстах.

Бахтин писал, что в основу трех книг — Медведева, Волошинова и его собственной о Достоевском — «положена *общая* концепция языка и словесного художественного творчества. <…> Наличие творческого контакта и совместной работы не лишает самостоятельности и оригинальности каждую из этих книг».[62] Концепция зарождалась в Витебске, в беседах. Здесь наглядно проявилась та *диалогическая поддержка*, которую оказывали друг другу участники «Круга» и в которой, несмотря на самостоятельность суждений, все нуждались. Параметр общности между Медведевым и Бахтиным, который сейчас, когда уже обоих нет в живых, видится особенно отчетливо, — это новаторство, не ради новизны как таковой, чем порой грешили некоторые филологи, но обостренная «интенция на истину»: Бахтин создавал «*первую* философию», Медведев искал пути *новой* теории литературы. И начинал он тоже с первооснов: психологии творчества, генетического изучения художественных явлений (черновики А. Блока), истории литературы, а также проблем литературной критики, которую вслед за Аполлоном Григорьевым мыслил как «строгую философскую дисциплину».[63]

Изучению творчества Волошинова посвящены труды Д. Юнова и Н. Васильева. Широко известна фундаментальная работа В. Алпатова «Волошинов, Бахтин и лингвистика». Н. Васильев первым в России публично (правда, вслед деликатной позиции С. С. Аверинцева, направленной не на внушение, а на понимание проблемы) поднял вопрос об авторстве текстов, приписываемых Бахтину.[64] На последней конференции он «представил новые факты начала научной деятельности В. Н. Волошинова… Это дополнительно свидетельствует о том, что В. Н. Волошинов, как и П. Н. Медведев, были не „авторскими масками“ М. М. Бахтина и отнюдь не дилетантами в науке, играя важную посредническую роль между „марксистской наукой“ и М. М. Бахтиным, оказавшимся в маргинальном положении».[65] Монографии «Марксизм и философия языка» и ее автору Волошинову посвящена новая обстоятельная работа швейцарского профессора Патрика Серио (2010).

Заслуживает внимания и ранее неизвестный факт сотрудничества Волошинова и Медведева над работой о музыкальной критике в 1925–1926 гг. Мы предполагаем эту статью — «„Сказание о граде Китеже“ и наша критика» — вскоре опубликовать. Диалогический контакт Волошинова с Медведевым в этой работе вылился в соавторство. Статья была подписана двумя именами. Также надеемся опубликовать вновь разысканные

статьи Медведева 1918 г. с инвективами в адрес советской власти и против еврейских погромов[66], ранее против антисемитизма он выступил в 1916 г.[67]

В связи с уничтожением архива Медведева, который им тщательно сохранялся, поскольку он всю жизнь занимался разработкой определившихся с юности тем и поставленных перед собой задач, приходится особенно внимательно присмотреться к его детищу — «Запискам Передвижного театра».

Осенью 1922 г. Медведев по приглашению режиссера, актера и поэта П. П. Гайдебурова[68] и актрисы Н. Ф. Скарской (сестры Веры Комиссаржевской) вступает в «братство» руководимого ими Передвижного театра, становится заведующим репертуаром и редактором журнала «Записки Передвижного театра». Сближение Медведева с труппой этого театра, одного из самых самобытных явлений петербургской культуры (по его словам — «явления единственного в художественной культуре современности»[69]), произошло в Витебске, где театр побывал в 1919 г. С этого времени Медведев стал вести в журнале критическую рубрику «Литературный дневник».

«Передвижной театр, — вспоминал в 1973 г. Бахтин, — пользовался в то время довольно широким успехом».[70] Феномен Передвижного театра являл собою своеобразную жизненную параллель к бахтинской «философии поступка». «Личность должна стать сплошь ответственной»[71] — этот постулат мог быть взят эпиграфом к творческой деятельности большого и цельного художественного коллектива.

На Палестре Передвижного театра Медведев читает курс психологии творчества, цикл докладов о Достоевском, предваряет спектакли вступительным словом, выступает с докладами о Передвижном театре.

По тематике (в частности, обсуждению проблем поэтики), созданию авторского коллектива журнала[72], по характеру публикуемой в каждом номере библиографии, как и по публикациям Медведева, этот печатный орган напоминает профессорскую кафедру, посвященную теории и психологии художественного (не только театрального) творчества. «Здесь выявляется немалое число вероятных связей — между научным творчеством М. М. Бахтина и замечательным во многих отношениях феноменом… <…> все еще ждущим своего историка (как, впрочем, и сам театр, чье имя по праву должно было бы встать в один ряд с театрами Станиславского и Мейерхольда)», — пишет профессор В. И. Тюпа, ратующий за «возвращение в культуру позабытых собеседников Бахтина».[73]

Идея «коллективной личности» всегда привлекала

«передвижников». Философ А. Мейер, учредитель религиозно-философского общества «Воскресение» (в связи с которым был позднее арестован Бахтин), трактовал ее так: «Проблема коллективного творчества — это следующая очередная задача в деле домостроительства Божия. Не важно, что лагерь, который намечает эту задачу, берет ее вне христианства. Это недомыслие вредно, но оно не обесценивает вполне самого делания. Социалисты лепечут о материализме, но не стоит с этим слишком считаться. Не в нем дело. <…> Идеал есть. Пока еще он рисуется только в плане экономическом, глубже не проводится, потому что идеология убогая. Это слабость, но путь намечен. <…> В нем слово сказано, хотя и убого: воссоединение замысла и исполнения».[74] «Сейчас мы стоим на перевале русской культуры… <…> Подлинного национального Ренессанса ждем мы», — писал в те годы Медведев.[75]

Издавая в 1930 г. «Записные книжки Ал. Блока», Медведев, уже рискуя, сохранил подлежавшие исключению и замене принятым многоточием записи Блока о Мейере (арестованном 11 декабря 1928 года по делу о «Воскресении», первоначально приговоренному к расстрелу и в то время находившемуся на Соловках).

«Ключевой идеей эстетики „Записок Передвижного театра“ следует признать идею соборности искусства, выдвинутую Вячеславом Ивановым, который „как мыслитель и как личность“, по словам Бахтина, „имел колоссальное значение“».[76] Медведев считал Вяч. Иванова «провозвестником новой эры соборного, всенародного творчества»[77], «крупнейшим нашим современником».[78] Однако, по его мнению, «передвижники» пришли к «соборности» вполне самостоятельно.[79]

«Это действительно „новое“ сознание, оно не вне личности, это не роевое сознание „хора“, в котором определенность лица, растворяясь, исчезает. Им только усвоен хоровой принцип равноправия всех сознаний. Но одновременно им усвоен и принцип личностного самоопределения, завоеванный уединенным сознанием в борьбе против авторитарности», — пишет далее В. И. Тюпа.[80]

Крэйг Брандист, многолетний исследователь российских научных архивов, нынешний руководитель международного Бахтинского центра, стремится «рассмотреть идеи Бахтина именно как существенный вклад в диалог, протекавший внутри научных институций и школ и между ними — в конкретный исторический момент». «Значимость этого общего диалога» представляется исследователю даже «более существенной, чем значение наследия самого Бахтина».[81] Но одно не существует

без другого, как не может оно существовать без наследия Медведева, нашедшего истоки «теории общения» в творческом пути Льва Толстого, контекст своей мысли — в наследии Н. Михайловского, В. Соловьева, Ап. Григорьева — до А. Блока, М. Пришвина и О. Мандельштама включительно. В упоминавшейся анкете Зубовского института в 1924 г. Медведев писал: «Наиболее часто мои мысли перекликаются с А. Н. Веселовским, Оск. Вальцелем, Г. Лансоном, Ап. Григорьевым и В. М. Жирмунским». К этим именам следует присоединить множество других, встречающихся в его публикациях и материалах — от В. Чудовского, Г. Шпета и Г. Ви-нокура до формалистов, с работами которых он знакомил своих витебских коллег.[82] Не стоит забывать и того, что философско-эстетическое наследие «молодого ученого» Бахтина стало доступно благодаря его книге о Достоевском, изданной Медведевым в 1929 г., а жизнь Бахтина была спасена связями Медведева с А. Н. Толстым, М. Горьким и А. Луначарским.[83] Это не умаляет значения позднейшей деятельности бахтинского окружения 1960-х гг., но свидетельствует о преемственности усилий.

В докладе на XIII Бахтинской конференции[84] мы вплотную подошли к обоснованию диалогического феномена «Круга», показав психологическое, социальное и творческое лицо его полифонии. Сегодня, усилиями ряда исследователей, «Круг» уже перестает быть лишь биографической подробностью жизни Бахтина, он предстает как самостоятельный культурный феномен. «Я не могу обойтись без другого, не могу стать самим собою без другого; я должен найти себя в другом, найдя другого в себе (во взаимоотражении, во взаимоприятии)».[85] В этих и других персональных свидетельствах Бахтина (в начале и в конце его творческого пути) коренится вершинная ступень межличностного духовно-интеллектуального общения — явление, осмысленное Бахтиным и обоснованное им в философии диалога и полифонии, в творчестве Ф. М. Достоевского, в его теории авторства. В «Круге М. М. Бахтина» это интеллектуальное явление получило реальное, жизненное и творческое воплощение.[86] В этом — смысл и «секрет» феномена.

Подводя итоги XIV Международной Бахтинской конференции в Италии (июль 2011), профессор Г. Л. Тульчинский сосредоточился на философском содержании и значении многочисленных докладов. «Прежде всего, — по его словам, — это относится к идее *диалогичности* смыслообразования, выработанной М. М. Бахтиным. <…> Как следствие, на конференции четко выразилась переоценка отношений

М. Бахтина и „его окружения“. Если еще недавно М. Бахтин выступал как своеобразный культурный герой, „основавший то-то“, „давший начало тому-то“, которому приписывалось авторство работ Волошинова и Медведева, то теперь уже становится ясным, что „бахтинский круг“, <…> как подчеркнул *А. Понцио* (*Университет Бари, Италия*), — это было неформальное сообщество интеллектуалов, интенсивно общавшихся, обсуждавших общие темы и проблемы, читавших тексты друг друга, высказывая свои соображения о прочитанном. По мнению *С. Падильи* (*Федеральный университет Мато Гроссо, Бразилия*), немалую роль в этом играло неформальное обыденное общение. И у каждого из участников этого общения был свой голос, который со временем звучит все отчетливее и весомее. <… > Речь идет о круге талантливейших российских интеллектуалов, ярких творческих личностей, пытавшихся не только выжить и работать в условиях жесткого идеологического давления и репрессий, реализуя опыт отечественной и европейской научной, философской и религиозной мысли, но и <…> возможности социологического подхода к сознанию и языку, гипертрофированного советским марксизмом».[87]

«Если определить „мыслительный коллектив“ как сообщество людей, взаимно обменивающихся идеями или поддерживающих интеллектуальное взаимодействие, то он станет в наших глазах единицей развития какой-либо сферы мышления, определенного уровня знания и культуры».[88] «Первая философия» Бахтина, «социологическая поэтика» Медведева, «социолингвистика» Волошинова — это звенья одной интеллектуальной цепи.

«В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения»[89], — считал выдающийся мыслитель, лидер творческого содружества единомышленников — «Круга Б. М. В.».[90]

notes

Примечания

1

XIV Международная Бахтинская конференция (Италия, Бертиноро, 2011). Публикуемая статья написана на основе пленарного доклада на этой конференции.

2

Александров А. Д. Проблемы науки и позиция ученого. Л., 1988. С. 442.

3

См.: *Медведев Ю. П., Медведева Д. А.* при участии *Shepherd David*. Полифония Круга // Хронотоп и окрестности. Юбилейный сборник в честь Николая Панькова. Уфа. 2011. С. 170–197. http://nevmenandr.net/scientia/festschrift/medvedev.pdf; Круг М. М. Бахтина как «мыслительный коллектив» (Звезда. 2006. № 7) и другие.

4

Письма М. М. Бахтина // Литературная учеба. 1992. Кн. 5–6. С. 145.

Аверинцев С. С. В стихии большого времени: К 100-летию со дня рождения М. М. Бахтина // Литературная газета. 1995. № 46. С. 6.

Не потому ли запоздалые махлинские «подступы» ко «второму сознанию» воспринимаются в виде «расстегнутой ширинки»? (*Махлин В. Л.* Второе сознание. Сборник статей. М., 2009. С. 19). Не идут на пользу и оценки этой книги («Вопросы философии», № 8. 2011, приравнявшие лексику автора к «инонаучной» мысли С. Аверинцева.

7

В связи с необходимостью проследить этапы формирования «Круга» и его творческого пути мы вынуждены использовать частично уже известные по нашим предыдущим статьям факты и подробности.

Аверинцев Сергей. Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива // Дружба народов. 1988. № 3. С. 259.

Bénédicte Vauthier. [Предисловие] // Slavica Occitania. 2007. 25. Bakhtine, Volochinov et Medvedev dans les contexts européen et russe. P. 9—43.

10

Этот период знаменателен общением его участников с «марбургским философом» М. И. Каганом. См. о нем: *Б. Пул*. Роль М. И. Кагана в становлении философии М. М. Бах-тина (от Германа Когена к Максу Шелеру) // Бахтинский сборник. Вып. 3. М., 1994. С. 162–181; «Назад к Кагану». Марбургская школа в Невеле и философия М. М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 1. С. 38–48.

11

Тюпа В. И. В поисках бахтинского контекста («Записки Передвижного театра») // Дискурс. 1997. № 3–4. С. 189–208.

12

Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. М., 2002. С. 161.

13

См. письма М. Бахтина к М. Кагану: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 66–72.

14

«Приказ № 114 по Губотделу Просвещения от 29 июня 1920 г. <…> Зав. П/О Искусств П. Н. Медведев, согласно телеграфн[ого] вызова Наркома Луначарского от 16-го июня за № 63428 командируется в г. Петроград» (ГАВО, ф. 2268, оп. 3, д. 1, л. 91).

15

Театрально-литературная хроника // Жизнь искусства. 1922. № 33 (856). 22–28 августа. С. 4.

16

ИРЛИ, ф. 79 (Иванова-Разумника), оп. 1, № 5 (записная книжка «„Вольфила“ — „Эпоха“»).

17

Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. С. 215.

18

Первым на эти рукописи обратил внимание Ken Hirschkop: Mikhail Bakhtin. An Aesthetik for Democracy. Oxford, 1999. P. 146.

19

Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 172, № 550, л. 1.

20

Архив РАН, филиал в СПб., ф. 302, оп. 1, ед. хр. 14, л. 28.

21

ЦГАЛИ СПб., ф. 302, оп. 1, дело 270, л. 10.

22

ЦГАЛИ СПб., ф. 302, оп. 1, дело 270, л. 8.

23

Медведев П. Н. Ученый сальеризм (О формальном (морфологическом) методе) // Звезда. 1925. № 3 (9). С. 264–276.

Захаров В. Н. Проблема жанра в «школе» Бахтина // Русская литература. 2007. № 3. С. 19–30.

25

[*Медведев П.*] От издательства // В. В. Виноградов. О художественной прозе. М.—Л., 1930. С. 3–8.

26

Волошинов В. Н.: <Рец. на книгу> В. В. Виноградов. О художественной прозе // Звезда. 1930. № 2. С. 233–234.

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 231.

Набор учебника был рассыпан после ареста Медведева, но сохранилась публикация его «Методической разработки по курсу истории русской литературы эпохи империализма и пролетарской революции» (Л., 1933).

29

Голлербах Э. Город муз: Повесть о Царском Селе. 2-е изд. Л., 1930. С. 11–12.

Ермилов В. За боевую творческую перестройку // На литературном посту. 1932. № 4. С. 11.

31

Литературные объединения 1917–1932 гг. в России (проблемы изучения) // Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910—1930-х годов. Исследования и материалы. Кн. 1, 2. СПб., 2002, 2006.

См. также рецензию Медведева на «Теорию прозы» Шкловского (Звезда. 1926. № 1. С. 265–266).

33

Как пишут труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа (Вадим Кожинов рассказывает о судьбе и личности М. М. Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 117.

34

В Переделкине Шкловский жил с 1930-х годов.

Друскин Лев. Спасенная книга. СПб., 1993. С. 233 и др.

Шкловский В. Б. Интервью К. Кларк 25 марта 1978 // *Clark K., Holquist M.* Mikhail Bakhtin. Harvard UP. 1984.

Тынянов Ю. Н. Письмо В. Шкловскому // Согласие. 1995. № 30. С. 201.

38

Книга «Формальный метод», например, была выпущена из спецхрана в 1987 г.

Неоднократные (несмотря на многочисленные возражения в печати) контрафактные переиздания трудов П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова под именем М. М. Бахтина московским издательством «Лабиринт» (руководитель И. Пешков).

40

Коллинз Рэндалл. Предисловие к русскому изданию // Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 48–49.

41

См.: *Медведев Ю. П., Медведева Д. А.* Павел Медведев, Людвик Флек, Михаил Бахтин и другие (К теории мыслительного коллектива) // М. М. Бахтин в контексте мировой культуры / Специальный выпуск: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2003. № 1–2 (39–40). С. 216.

42

РНБ. Рукописный отд., ф. 118, ед. хр. 1454.

43

С перепечатками некоторых ранних работ П. Н. Медведева можно ознакомиться в «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (2003. № 1–2 (39–40); «Звезде» (2006. № 7. С. 197–198); «Вопросах литературы» (2009. № 6); «Звезде» (2010. № 11); сборнике «Хронотоп и окрестности» (Уфа, 2011).

Чудовский В. Несколько мыслей к возможному учению о стихе // Аполлон. 1915. № 8–9; Несколько утверждений о русском стихе // Аполлон. 1917. № 4–5. (Конспект — в семейном архиве Медведевых.)

45

См. соответствующие статьи А. Белого в его книге «Символизм» (М., 1910).

Медведев П. Н. О «Дневнике» Льва Толстого // Бессарабская жизнь. 1916. № 87. С. 2. (Звезда. 2010. № 11); Tolstoi' s Diary // The Bakhtin Circle in the Master's absence. Manchester and NY, 2004. P. 188.

Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996. С. 344.

48

Многолетний заведующий кафедрой русской литературы СПбГУ проф. А. Б. Муратов в статье, посвященной истории своей кафедры «Изучение русской литературы в Санкт-Петербургском — Петроградском — Ленинградском университете», пишет: «Методологические идеи П. Н. Медведева последние несколько десятилетий активно обсуждались в работах о М. М. Бахтине».

Как настоятельно рекомендовали и даже требовали участники ряда международных Бахтинских конференций.

50

См.: *Махлин В. Л.* Незаслуженный собеседник (II) // Бахтинский сборник. 5. М., 2004. С. 336.

51

Каган Ю. М. О старых бумагах из семейного архива (М. М. Бахтин и М. И. Каган) // Диалог. Карнавал. Хронотроп. 1992. № 1. С. 60.

52

До нас не дошел трактат П. Н. Медведева, написанный вслед за «Формальным методом», — «Социологическая поэтика. Т. 1. Тематика», конфискованный при аресте, но информация о нем сохранилась.

53

Фадеев А. Об одном споре всемирно-исторического значения. Заключительное слово на производственном совещании критиков РАПП 29 января 1932 г. // На литературном посту. 1932. № 5. С. 5.

54

Воспоминания о П. Н. Медведеве его студентов: см. примеч. 41.

55

См. предисловие Е. Добина к сборнику работ П. Н. Медведева «В лаборатории писателя» (Л., 1960, 1971) и примеч. 48.

Звезда. 2006. № 7. С. 197–198.

57

Государственный архив Витебской области, ф. 204, оп. 1, д. 49, л. 107, 108.

Христиансен Б. Философия искусства. СПб., 1911.

59

О том, что «наиболее часто мои мысли перекликаются с А. Н. Веселовским…», Медведев писал в упомянутой ранее анкете Зубовского института. В примечаниях к «Записным книжкам Ал. Блока» (1930) Медведев называет Веселовского «основоположником „исторической поэтики“» (с. 238), что не случайно контрастирует с концовкой статьи о Веселовском в «Литературной энциклопедии» (Т. 2. М., 1929. С. 201).

Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. С. 222.

61

См.: Витебский листок. 1918. № 1036. Ср.: выступления М. М. Бахтина и М. И. Кагана в «Дне искусства» (Невель, 13 сентября 1919).

62

Письма М. М. Бахтина // Литературная учеба. 1992. Кн. 5–6. С. 145; Москва. 1992. № 11–12. С. 176.

Медведев П. Н. Неистовый Аполлон [Об Аполлоне Григорьеве] // Бессарабская жизнь. 1916. № 88. С. 2.

Васильев Н. М. М. Бахтин или В. Н. Волошинов? К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М. М. Бахтину // Литературное обозрение. 1991. № 9.

Тульчинский Г. Л. Уроки рецепции бахтинского наследия // Философские науки. 2011. № 10. Бахтин: проверка большим временем (Отчет о XIV Международной Бахтинской конференции) //Antropolog.ru.

Благодарим витебского исследователя В. Шишанова за предоставление текстов.

67

О том, что вечно жжет как пощечина // Бессарабская жизнь. 1916. № 90. С. 2.

68

О Гайдебурове см. статью К. А. Кумпан и В. И. Тюпы в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1989. Т. 1. С. 513).

Записки Передвижного театра. № 44. С. 1.

Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. С. 190.

Бахтин М. М. Искусство и ответственность // *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 3.

В журнале приняли участие И. Груздев, В. Жирмунский, Б. Казанский, Б. Томашевский, Э. Голлербах, Э. Старк, А. Пиотровский, В. Эрлих, Э. Радлов, А. Гизетти, В. Волошинов, Д. Выгодский, Н. Клюев и др.

Тюпа В. И. Указ. соч.

См.: *Медведев Ю.* «Воскресение». К истории религиозно-философского кружка А. А. Мейера // Диалог. Карнавал. Хронотоп. М. — Витебск, 1999. № 4 (9). С. 82—158.

Записки Передвижного театра. № 50. С. 3.

Тюпа В. И. Указ. соч.

Записки Передвижного театра. № 21. С. 3.

Записки Передвижного театра. № 42. С. 4.

Записки Передвижного театра. № 44. С. 1.

Тюпа В. И. Указ. соч.

Брандист К. Контексты Бахтина. Необходимость интеллектуальной истории // НЛО. 2006. № 79.

82

Бахтин вспоминал, что с брошюрами формалистов он впервые познакомился в Витебске (Беседы с В. Д. Дувакиным. С. 68).

83

«Рецензия о Вашем докладе в Пушкинском Доме выйдет в след. номере московской „Красной Нивы“ — Анат. Вас. обещал поместить, правда, с некоторым сокращением (она у меня довольно обширна и подробно оценивает Ваш доклад) — с двух страниц до одной. Анатолий Васильевич Вас знает. Приветствует», — сообщал в письме Медведеву 9 ноября 1923 г. поэт-имажинист Владимир Риччиотти (ИРЛИ. Рукописный отд., ф. I, оп. 24, № 35).

84

См. примеч. 3.

Бахтин М. М. Заметки 1961 г. // *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996. С. 344.

86

Очередное заявление, что Бахтин общался и дружил с «примитивными людьми», понятное в устах научных противников «Круга», заставляет задуматься о компетентности нынешних «специалистов». См. публикации Н. Д. Тамарченко в сборнике «Хронотоп и окрестности» (2011. С. 313) и журнале «Вопросы литературы» (2011. № 1).

87

См. примеч. 65.

Флек Людвик. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999. С. 64.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 393.

Статья уже находилась в редакции, когда мы узнали о новой публикации швейцарских ученых (*Jean-Paul Bronckart et Cristian Bota.* Bakhtine démasqué. Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un délire collectif. Droz, 2011). Прочесть и обдумать эту книгу еще предстоит, но первое представление о ней можно получить из интервью ее авторов университетскому журналу Campus («Bakhtine tombe le masque». Campus. № 106. Université de Genève). «Исследовав произведения Бахтина, Жан-Поль Бронкар проникся убеждением, что… <…> работы, подписанные Волошиновым, и остальные труды Бахтина резко отличались. Мы просто решили тщательно сопоставить эти тексты, а затем втянулись в настоящее расследование, и задуманная первоначально статья вылилась в книгу в 600 страниц», — рассказывает соавтор Кристиан Бота. «Мы просто ошеломлены, с какой легкостью серьезные и компетентные, казалось бы, авторы восприняли то, что граничит с настоящим „интерпретативным бредом", — говорит профессор Жан-Поль Бронкар. — И все же мы ничего не придумали. Весь материал, использованный в нашей книге, уже лет пятнадцать был доступен исследователям. И тем не менее, это не помешало тем, кто построил свою карьеру на имени Бахтина, продолжать верить в собственные изобретения и систематично игнорировать Медведева и Волошинова, чьи заслуги стоит сегодня полностью реабилитировать».

«Демаскированный Бахтин. История лжеца, мошенничества и коллективного бреда» — таково название новой книги. Таков вклад ветеранов российской «бахтинологии», предложивших независимым исследователям результаты своих «проектов» и «программ», унизивших, в первую очередь, самого Бахтина, о чем мы уже не раз с тревогой говорили.

Сразу же хочется ответить аторам книги: бахтинские выдумки по поводу биографии, etc, конечно, можно считать «ложью», но назвать лгуном его самого, без учета контекста страны-времени-биографии, нельзя! Хочется напомнить секулярной Европе разницу между враньем и «ложным свидетельством на ближнего своего». Бахтин эту разницу понимал и ей следовал. И еще — «Весь материал <…> уже лет пятнадцать был доступен исследователям» — это, действительно, так (см., например: *Медведев Ю. П.* «Нас было много на челне…» // Диалог. Карнавал. Хронотроп. 1992. № 1. С. 89—108). Благодаря ответственной работе ряда ученых, как отечественных, так и зарубежных, на чьи работы мы неоднократно ссылаемся и чьи

достойные имена не устаем с уважением повторять (см. примеч. 3.), наука постепенно возвращается на «круги своя». Хотя саморекламное редакционное предисловие к «Проблемам бахтинологии» (СПб.—М., 2011), посвященным стодвадцатилетию (!) со дня рождения Бахтина (1895–1975), пытается оправдать свой псевдонаучный «путь назад».